

Истории, рассказанные Джоном До

Тишина

Как всякая одарённая личность (пусть немедленно выйдет из этой комнаты тот, кто скажет, что графоман не может быть одарённым), так вот, как всякая одарённая личность, временами я испытываю такой прилив творческих сил, меня распирает такое острое желание сказать миру о чём-то важном, внезапно открывшемся мне, что с этим просто ничего нельзя поделаться. Да и нужно ли душить свою Музу? Пусть себе, право, живёт. Болезненная, нескладная, плохого питания, с тёмными кругами у глаз и едва заметным дефектом речи, но ведь твоя!..

Пусть живёт. И пусть преданно шепчет тебе что-то на ушко – ты только успевай записывать.

О чём это я?.. Ну да, как всегда, о высоком.

Итак, в один из долгих и скучных ноябрьских вечеров я сидел в своём деревенском доме и слушал тишину. Вы можете сказать – экая невидаль, слушает он тишину, каждый на такое способен. Можете даже плюнуть на пол в сердцах. Я не обижусь.

Да, слушать тишину может каждый. Но слушать вот так, чтобы вдруг до боли в коленях захотелось её запечатлеть... Тут, я думаю без всякой скромности, особый талант нужен.

В общем, как я уже сказал, результатом моего слушания и явилось это острое желание с болезненными признаками в коленях.

Я подкинул поленьев в печь, взял лист чистой бумаги, карандаш, сел поудобнее за свой стол, затем аккуратно вывел вверху листа «Тишина» и задумался...

...Через полчаса вдохновенно-сосредоточенного сидения я понял, что у меня нет ни одного нужного слова. Любое из тех, что приходили мне на ум, даже самое тихое, самое задушевное, казалось пошлым криком, грубой пощёчиной охватившему меня светлому чувству.

Озадаченный, я продолжил сосредоточенно пялиться на чистый лист бумаги, но ещё через пять минут, окончательно поняв, что я не знаю чего-то в жизни, что знать просто обязан, я сорвал с крючка пальто, шапку и шарф и устремился прочь из дома в густые деревенские сумерки.

Подвернувшийся по дороге грузовик с молоком вечерней дойки быстро домчал меня до города. Крепко сжимая в руке измятый бумажный прямоугольник, я шёл от прохожего к прохожему и спрашивал нужный мне адрес.

Спустя сорок минут я решительно нажимал кнопку звонка, стоя у обитой дерматином двери. Решительность немедленно оставила меня, едва дверь открылась – на пороге стоял сам хозяин жилища. Величественно вложив

свои руки в карманы порядком заношенного домашнего халата, он попеременно переводил недоумённый взгляд с моего испуганного лица на мятую бумажку в моей руке и затем обратно на лицо.

– Чем могу служить?.. – произнёс он неестественным для своей тщедушной фигуры, фальшивым баритоном, отчего сразу закашлялся и бросил на меня короткий раздражённый взгляд, какие обычно бросают важные люди, ненароком уличённые в каком-либо не очень благовидном поступке, на свидетелей этого самого поступка.

– Прошу меня извинить, Юлий Всеволодович...

Спохватившись и опасаясь, что дверь вот-вот захлопнется перед самым моим носом, я говорил скороговоркой, заплетая язык об имя-отчество фальшивого баритона.

– Прошу меня извинить, Юл Севлыч... Я До, Джон До из деревни Забугорной. Вы, наверное помните, вы были у нас прошлым летом с творческим выступлением... Я вам потом свою книжку подарил, а вы мне тоже свою подарили и ещё свою визитную карточку дали...

В качестве аргумента я протягивал к лицу собеседника измятый прямоугольник.

– Помню... - неохотно кивнул мой собеседник, неприятно поморщив лицо при упоминании о визитной карточке и даже не взглянув на неё. – Входите. Видимо, у вас дело срочное и важное.

Я шагнул через порог, моё сердце учащённо забилося – сейчас-то я увижу настоящий писательский кабинет, лабораторию творческой мысли! Какая, наверное, в нём особая энергетика! И воздух особенный! Конечно! Ведь это же дом выдающегося человека, настоящего прозаика! Живого классика! Лауреата!..

– Так что вас ко мне привело? – оборвал мои душевные восторги лауреат и классик, важно скрестив руки на впалой груди.

Мы так и остались стоять в просторной прихожей. Сердце сразу сбавило темп, и я вспомнил, наконец, зачем пришёл сюда.

– Прошу меня извинить, Юлий Всеволодович, но вопрос, действительно, очень важный.

Юлий Всеволодович приосанился. Каждому приятно ощущать, что в нём остро нуждаются.

– Вы не знаете, в каких словах заключается тишина?

Живой классик непонимающе вытаращил глаза и уставился на меня в немом вопросе.

– Я интересуюсь, какими словами можно запечатлеть тишину? Ведь должны быть для этого какие-то особенные слова... Вас, наверное, этому в литературном институте учили. Или, может быть, вам по причине широты вашего таланта это известно...

Лицо Юлия Всеволодовича побагровело, он замычал, плотно сжав губы, а потом начал выдавать маленькими порциями, словно паровой клапан на котле:

– У-у-у... я тут, понимаешь... ы-ы-ы... нетленку... к сроку... а он... г-г-г... тишина... ф-ф-ф... бред!.. нашёл... чем беспокоить... дры-а-а-к...

По мере выпуска пара лицо моего собеседника постепенно приобретало нормальную окраску.

– Да нет же, это очень важно – правильно сказать о тишине!

Решимость снова вернулась ко мне.

– Ведь никто ещё толком об этом... Целый культурный пласт... Целая глыба... Какое упущение!..

Внезапно лицо Юлия Всеволодовича подобрело. Он деликатно остановил меня, мягко положив руку на плечо, а затем проворно нырнул в одну из дверей своей квартиры и вернулся вскоре оттуда, держа в руках синий прямоугольник визитной карточки.

– Он знает. И не откладываете, - хозяин квартиры посмотрел на висевшие на стене прихожей часы и чему-то улыбнулся, - немедленно, сегодня же!.. Он знает!

Я не успел ничего сообразить, как за моей спиной захлопнулась дверь. Я стоял в коридоре, сжимая синий клочок картона, на котором золотыми буквами было выведено: «Союз поэтов и прозаиков России, Аполлонский Константин Максимилианович, поэт». Ниже значился адрес.

Аполлонский! Вот оно что! Вот так удача! Кто же не знает знаменитого Аполлонского! И он, Аполлонский, знает то, что важно знать мне!

Я устремился по нужному мне адресу.

У меня не было часов и я совсем не обращал внимания на время... но истинности ради, следует сказать, что уже была ночь...

...Поэт был пьян. Здоровый, как медведь и гривастый, словно лев, он сграбастал моё тело в охапку, затащил меня в сильно захламлённую богато обставленную комнату, усадил на диван и протянул наполненный до половины стакан с водкой. Я вежливо поблагодарил его и отказался от предложенного угощения.

Ничуть не расстроившись, поэт выпил сам, икнул пару раз и махнул в мою сторону рукой.

– Не обращай внимания. У меня творческий запой. Это скоро пройдёт. Ты кто?

– Я графоман.

– Смело. – удивился поэт.

Я согласно кивнул.

– Понимаете, я мучаюсь вопросом правильного отражения в русской словесности образа тишины... И вот мне сказали, что вы знаете, как это нужно... можно... в общем, какими словами надо писать о тишине.

– Кто сказал?

– Вот тут... - я полез в карман за визитками, желая рассказать о своих хождениях во всех подробностях.

– Да ладно тебе, не колотись, сам знаю. Это сволочь Кательпов тебя ко мне подослал.

Я вяло попытался возразить насчёт сволочи, но Аполлонский меня остановил.

– Это для тебя он великий писатель, а для меня сволочь... хоть и друг. Ну я ему припомню, будь спокоен. Ещё поквитаемся, Юлик... Так что там у тебя?..

Я напомнил о тишине.

– Ну да, тишина... Хрен с ней, с тишиной, ты вот лучше послушай.

Поэт закатил кверху глаза, вскинул театрально правую руку и начал зычным басом...

Не созданы мы были друг для друга...

Я выполз из квартиры поэта Аполлонского перед самым рассветом. В голове шумело, прыгали обрывки его стихотворений, раздавались звяканье бутылки о стакан и громкие, как раскаты грома, угрозы и обещания в адрес «сволочи Юлика»...

За час до полудня я наконец-то переступил порог своего выстуженного и одинокого дома. Печь давно потухла и не издавала ни звука, ходики на стене сердито молчали, а на столе всё так же белел чистый лист бумаги с одним только словом на нём: «Тишина». Подойдя к столу, я долго любовался этим листком, восхищаясь совершенством и законченностью начертанного на нём, а затем взял карандаш и дополнил лист самым последним, маленьким, но таким недостающим штрихом, аккуратно выведя внизу листа:

«Джон До, Одинокий Ветер».

Кое-что из жизни графомана

Набравшись наконец-то решимости, я переборол все страхи и приехал из своей деревни в большой город. С трудом найдя нужный адрес, я оробело уставился на многоэтажную громадину.

Решительность снова покинула меня, и ноги живо засобирались в обратную дорогу. Гневно приказав им «стоять!», я перевёл дух и вошёл внутрь. Вежливый вахтёр (чекист на пенсии) осведомился о цели моего визита.

Услышав от меня сбивчивое объяснение, он без запинки назвал этаж и номер комнаты и даже предупредительно сообщил, чтобы я не вздумал ехать на том лифте, что справа: «на этом этаже ему остановки нет».

Ну что ж, нет, так нет – спрятавшийся где-то в холке маленьким комочком страх довёл меня до дверей левого лифта, а потом, подло дёрнув за руку, потащил моё одеревеневшее тело вправо, к прокуренной лестнице.

Я готов был провалиться со стыда сквозь землю, но глазами того же, спрятавшегося в холке страха увидел, что вахтёра моё поведение нисколько не удивило. Даже наоборот – он как-то сразу успокоился, подобрел и, вскоре забыв про меня, уткнулся в свой журнал кроссвордов.

Нужную дверь я нашёл не сразу. Даже несмотря на помощь второго вахтёра, дежурившего на «моём» этаже.

– Можно войти?

– Да-да, конечно. – Пышущий здоровьем уверенный в себе молодой дядька, одетый в очень свободном стиле, приветливо и заинтересованно уставился на меня. В его глазах читался вполне материальный вопрос: «на какую сумму пожаловали, дружок?»

– Я вам звонил, – выдохнул я, – моя фамилия До, Джон До из Забугорной.

– Ах да, конечно! Джон До. – Лицо дядьки расплылось в широкой полной обаяния улыбке. – Мне вчера звонил ваш председатель, Иван Максимыч, кажется...

– Правильно, Максим Иванович, – кивнул я.

– Ну так вот, я и говорю – ваш Иван Максимыч очень славный мужик. Обещал полное содействие. Вы же у них... у вас... в вашей деревне, одним словом, настоящее культурное явление. Так он и сказал мне. В каком жанре работаете?

– Я графоман.

– Что-что, простите???

– Я графоман. Но вы не переживайте – я очень талантливый графоман.

Я начал лихорадочно доставать из объёмной дорожной сумки папку с листами белой бумаги. Пока я её доставал, девственные листы превратились в настоящую зачитанную до дыр рукопись.

– Вот, смотрите, можете сами убедиться, – совал я истрёпанные листы под нос дядьке.

– Да мне, собственно, какое дело... графоман, так графоман, – слегка подрастерялся мой собеседник. – Лишь бы оплата была. Но с этим, Иван Максимыч заверил, всё в полном ажуре будет.

– Да нет, это очень важно! Понимаете? – начинал горячиться я. – Графоманы незаслуженно обделены вниманием. Они презираемы всеми. Их за писателей никто не считает. А ведь мы – главный резерв нашей литературы! За нами будущее.

– Интересно. – Приосанился дядька.

– В самом деле! На нас всё и держится.

– И как же?

– Ну вот, хотя бы... Помните у Пушкина?..

– Не трожьте классика! – Возмутился дядька.

– Да я и не трогаю. Я ж объяснить хочу.

– Объясняйте без Пушкина, а если не можете без него, тогда лучше уж ничего не объясняйте. Я человек современный и уважаю права меньшинств... литературных в том числе, но...

– Да какие же мы меньшинства! Нас большинство. И мы загнаны в подполье! Мы страдаем от своей непризнанности. Нам нужна рука помощи, и ваше издательство должно стать именно такой рукой!

– Тише вы! – Цыкнул на меня собеседник, оглядываясь по сторонам пустого кабинета. – Ославить меня хотите?

– Да нет, что вы! Я же от чистого сердца.

– Вот и я от чистого сердца прошу вас – не надо. Наше издательство, хоть и молодое, но имиджевое и выбранному имиджу следует строго. Нам не нужны неприятности. И взялся я вам помочь только исключительно ради личного уважения к... Иван Максимычу.

Он многозначительно посмотрел на меня.

– Кстати, это самое слово...

– «Графоман?»

– Ну да, «графоман». Оно будет присутствовать в аннотации к книге или где-нибудь ещё среди прочей служебной информации?

– Да я не знаю, - растерялся я, - вам виднее.

– Вот и хорошо. Вот и не надо, – оживился мой собеседник. – Ну-с, посмотрим, что там у вас.

Я протянул ему папку, ожидая беглого, но вдумчивого чтения. К моему удивлению, текст его совершенно не интересовал.

– Каким кеглем печатаем? Рекомендую двенадцатый.

Я сделал умное лицо и многозначительно кивнул.

– Отличненько. Сто двадцать страниц, – взвесив папку на руках, молвил мой визави. – Шрифт вам подберём – что надо.

– Угу. – Согласился я, хотя тут явно нечему было возражать.

– Каков тираж?

– Тыща. – Робя от собственной наглости выдавил из себя я.

– Замечательно! Дело говорите. Что нам мараться с пятью сотнями? Уважаю серьёзных людей. Обложка?..

– Мне вот эта нравится. – Я достал из сумки купленную на вокзальном развале тошнотворно-бездарную книжечку в превосходной по качеству мягкой обложке.

– А, Машенька Кузовлёва! – Обрадовался дядька. – Доктор наук! Наш постоянный автор. Все свои книги у нас издаёт. Замечательно пишет! На днях была принята в союз писателей.

Я не стал возражать и согласно кивнул.

– Вот и эту книжку мы специальным тиражом выпустили. Вы, наверное, заметили уже по оформлению. – Он говорил со мной, словно с заправским полиграфистом.

Я кивнул ещё раз, хотя на самом деле ничего особенного в этой книжке не увидел, как ни силился разглядеть.

– Великолепно! – Снова обрадовался дядька – то ли тому, что я согласился с ним в принципиальном полиграфическом вопросе, то ли тому, что увидел у меня в руках книжечку своей знакомой докторши наук.

Я обрадовался за компанию с ним.

– Сделаем всё на мелованной бумаге, в офсете. От вас нужно только фото и диск с текстом. Вы же имеете набранный на компьютере текст? – чуточку озадаченный спохватился он.

Имею – кивнул я.

После этого прозвучала сумма.

Однако!

Я изобразил на лице, что услышанная сумма – сущий пустяк для нашего колхоза и встал со своего стула.

– Вы приезжайте обязательно! Я жду вашего диска и фото. Очень жду! – совал мой новый друг мне в руки какие-то книжки. – Это вам на память от нашего издательства. Вам и Иван Максимычу. Большой ему привет.

Ослеплённый улыбкой издателя, я с поклонами пятился до самой двери, прижимая к груди подаренные «фолианты».

* * *

Книжка вышла месяца через три.

Ещё через два месяца в наш колхоз позвонили из областного отделения союза писателей и сообщили, что предлагают мне вступить в члены союза.

Я до сих пор не ответил. Очень трудно определиться в таком нелёгком выборе – создать ли собственный союз графоманов или вступить в уже имеющийся.

Несколько слов о тумане

Я сидел у окна в своем неказистом домике и наблюдал за тем, как утренний туман за окном клочьями разлетался над ржаным полем. Каждый клочок, постепенно уменьшаясь в размерах, таял, словно виденная мною однажды в детстве сахарная вата.

В этот момент мне открылась истина...

Получив в юности профессию каменщика, я к тридцати пяти годам понял, что ошибся в её выборе. Нужно было учиться на писателя. Но тогда я был молод и неискущён, да и не знал, где на писателей учат.

Твёрдо решив всё же, хоть и с опозданием, но стать писателем, я ощутил, что недостаточно грамотен и не владею родным языком так, как это нужно писателю. Решив побороть свою неграмотность, я пошёл работать в школу учителем. По труду.

Сидя на педсоветах и слушая разговоры учителей в коридорах, я учился языку и старательно записывал свои наблюдения в маленький блокнот. Чтобы не показывать свою безграмотность, я делал это незаметно для всех.

Через пять лет я выучил язык как это нужно писателю и написал замечательную и невероятно талантливую повесть. Чтобы писалось легче, я писал её о собственной школе, используя в работе над ней накопленный богатый материал. Поскольку произведение было глубоко художественным, я лишь изменил имена, фамилии и место действия.

Предвкушая грандиозный успех, я разослал повесть во все известные мне журналы и издательства, но отовсюду мне приходил ответ, что повесть слишком хороша для них, или же мои адресаты хранили испуганное молчание. Кому охота связываться с большим талантом, даже боясь подумать при этом, сколько он заломит в качестве гонорара. Видимо, финансовые дела в издательском бизнесе совсем плохи – подумал я и решил печатать повесть в районной газете частями и бесплатно.

После первой публикации меня уволили из школы с формулировкой «за аморальное поведение». Вручая трудовую книжку, директор школы сказала мне, презрительно поджав губы, что педагогический коллектив весьма сожалеет о том, что так опрометчиво доверил высокое звание педагога такой сомнительной и, как оказалось, глубоко аморальной личности. «Ну где вы видели таких мерзких несимпатичных учителей? До какой глубины морального падения может дойти человек, чтобы написать такой злобный пасквиль на людей высокого долга!» - летело мне вдогонку.

Я не обижался на директрису. Я понимал, что в ней говорила обыкновенная зависть. Признание таланта другого человека, в первую очередь, больно ранит самолюбие признающего.

Я простил её и пошёл своей дорогой.

Дорога привела меня на вокзал областного центра. Там, в душевной пивной, я познакомился с настоящим писателем! После пятой или шестой, купленной на мои расчётные деньги, он показал мне своё членское писательское удостоверение, ещё не прочитав ни единой моей строчки почувствовал исходящую от меня искру таланта и пообещал ввести меня на следующий день в круг настоящих писателей.

Заночевали мы в сквере на скамейке. «Настоящий писатель должен чувствовать жизнь и не должен отделяться от народа!» - сказал мой новый друг и тут же уснул.

Всю ночь я чувствовал холод и своё единение с неудобной скамейкой.

На следующее утро, похмелившись, мы отправились вводиться в круг настоящих писателей. Вхождение прошло успешно. Мнение авторитетных

писателей, высказанное ими в тесном общении со мной, не оставило никаких сомнений в том, что литература – моё истинное призвание.

Когда мои расчётные деньги закончились, мы с мэтрами литературы разошлись во мнении в принципиальном вопросе – употреблении в художественном произведении слова «развиднелось» при описании пейзажа среднерусской равнины во время ранней осени в период схода утреннего тумана.

Мэтры резюмировали свою позицию в нашем ожесточённом литературном диспуте словами «самозванная графомань». Но последнее слово было за мной. И слово это было – «курвы!» Моим оппонентам нечего было возразить, они признали своё поражение и отпустили меня с миром.

С той поры минуло ещё шесть лет. Разочаровавшись во влиянии литературы на людей и, чувствуя, что люди ещё повсеместно не достигли того уровня художественного знания, который необходим для истинного понимания создаваемых мною литературных творений, я испытал много неудобств и сменил много профессий, но неизменно оставался уверен в одном – если туман сходит с полей тающей пеленой, нужно писать «развиднелось»; если же он рвётся в клочья – вам лучше вообще не браться за перо.

Ваш Джон До, Одинокая Собака.

Моя Нобелевская премия

– Вам посылка, распишитесь. – Любезный почтальон с учтивым полупоклоном протянул мне планшет с прикрепленной к нему серебристым зажимом квитанцией и ручку.

– Я ничего не заказывал и не жду ниоткуда посылки. – Растерялся я.

– Для меня это не имеет никакого значения. Посылка пришла на ваш адрес, и я обязан вам её вручить. – Настаивал почтальон.

– Но откуда же посылка? От кого?! – Испуганно молил я почтальона.

– А мне почём знать. Я не умею читать по-иностранному.

Как бы в подтверждение своих слов, он положил левую руку на аккуратную и небольшую картонную коробку, краешек которой выглядывал из сумки. Адрес на ней, действительно, был написан латинскими знаками. Из всего адреса я успел только разобрать имя адресата «John Do» и название населенного пункта «Zabugornaya deryevnya».

Сомнений не оставалось – посылка была адресована мне.

Но откуда в нашей глуши такой подозрительно культурный почтальон? Этот вопрос я задал ему без промедления.

– Посылка специальная и отправлена специальной почтой. Поэтому почтальон тоже специальный. – Вежливо-равнодушно ответил культурный почтальон. – Братъ будете? А то мне некогда.

Вот оно что! Специальная! Что же там может быть?

Я лихорадочно начал вспоминать, куда я звонил и писал за последнее время, с кем общался и какие мысли высказывал.

Тщетно. Никуда не звонил и не писал, ни с кем не общался и никаких мыслей не высказывал. Но откуда же тогда посылка?! И зачем?! Зародившийся в недрах моего желудка крошечный испуг начал увеличиваться в размерах и приобретать вполне осязаемый железистый привкус страха.

– Никуда и низачем! – Почти прокричал я, глядя почтальону прямо в глаза.

– Что, простите? – Почтальон преданно, словно породистая собака, заглядывал мне в глаза, пытаюсь по их выражению понять – означают ли мои слова согласие на получение посылки или нет.

– Никуда и низачем я не писал и не звонил! – Торжественно повторил я, вполне гордый собой.

– А мне почём знать – может и не писали, может и не звонили. ПОСЫЛКУ БРАТЬ БУДЕТЕ? – Отчетливо и с расстановкой произносятся слова, спросил меня почтальон, пронзая ледяным взглядом насквозь.

Пытаясь представить, какой эффект на почтальона произведёт мой гордый отказ, я на мгновение закатил глаза кверху и испытал лёгкое экстатическое состояние.

– БУДУ! – Услышал я из своего экстатического полусна собственный голос.

– Ну вот, давно бы так. – подобрел почтальон, подсовывая к моей руке, на удивление мне уже сжимавшей красивую шариковую ручку с логотипом «FedEx», планшет с квитанцией.

В следующее мгновение я отрешённо наблюдал за тем, как предавшая рука цинично выводила на квитанции моё имя и мою фамилию.

Очнулся я, когда машина с почтальоном уже скрылась за холмом, оставив только пыльный след на дороге.

Полным омерзения взглядом я смотрел на свою руку, которая буквально только что на моих же глазах творила своё чёрное предательство. Зачем она мне теперь? Мне захотелось взять в сарае топор и, как отец Сергей, оттяпать провинившуюся часть тела. Но я вовремя спохватился – кто же мне тогда будет рубить дрова на зиму? Практичность взяла верх.

Секунду спустя эта же практичность подхватила оставленную почтальоном у калитки коробку и понесла её в дом. Оказавшись внутри своего неказистого жилища, я бросил коробку под лавку, для верности пихнул её сапогом подальше, к стене, и пошёл кормить поросёнка.

...Вспомнил о посылке я только через четыре дня. Я сидел один в своём доме. За окном хлестал унылый затяжной дождь. Промозгло-серое небо... было промозгло-серым. Заняться было совершенно нечем, и тут я подумал о ней.

Минуту или две я вспоминал – куда же я засунул эту посылку. Вспомнив, я заглянул под лавку. Она лежала там и терпеливо дожидалась.

Из всего обратного адреса я разобрал только, что посылка была из Стокгольма.

Взмахнув ножом, я вскрыл коробку. Одержав победу в битве с двадцатью слоями красивой упаковочной бумаги, я извлёк на свет одиноко висевшей под самым потолком лампочки большую круглую медаль и какой-то диплом.

Медаль напоминала золотую, но я никогда в жизни не держал в руках золота, поэтому вполне мог заблуждаться относительно металла. На этой медали красовался барельефный портрет какого-то бородатого мужика. По контуру медали читалось «Nobelevskaaya premiya.» с точкой на конце.

Я был окончательно сбит с толку и напуган.

«Это ошибка! Это какая-то досадная ошибка! – пульсировало в моём мозгу. – Мне по ошибке прислали чужую Нобелевскую премию! Что же будет! Подумают, что я прохиндей и самозванец. Какой позор! Надо срочно поставить в известность власти».

Я нервно заметался вокруг одиноко стоящего посреди пустой комнаты стола. Вспомнив о дипломе, я схватил его в надежде, что он прольёт хоть немного света на эту досадную историю и подскажет мне имя его настоящего хозяина.

Латинские буквы прыгали у меня перед глазами. Я и раньше не был знатоком языков, но тут поглупел окончательно. Из всего обилия текста я смог вычленил всё ту же зловещую надпись «Nobelevskaaya premiya.» с точкой на конце и своё собственное имя.

«Наверное у них в канцелярии работают одни русские. Всё перепутали!» - лихорадочно пронеслась в моей голове мысль. «Но откуда они взяли моё имя? Всё это очень странно».

Я обладаю очень редким сочетанием имени и фамилии. Мне не пришлось узнать тепла семейного уюта, поэтому не у кого было спросить о тайне их происхождения. Но всё же! Не с потолка ведь его взяли, вписывая в диплом!

От досады я смахнул коробку со стола на пол. Из коробки выпал конверт, такой же белый, как и обёрточная бумага, и шлёпнулся на грязные доски пола. Как же я его не заметил раньше!

Я нагнулся и поднял с пола конверт. В него было вложено два гербованных листа дорогой бумаги. Один лист был исписан латиницей. Взглянув на второй, я издал вопль ликования - текст на нём был напечатан по-русски. Привожу его почти дословно, опустив некоторые интимные подробности.

«Уважаемый господин Джон До! Доброе Вам время суток!

Нобелевский комитет по сетенатуре имеет честь сообщить Вам своё решение о присуждении Вам Нобелевской премии за <...> год.))))))

Для членов комитета вдвойне почётно сообщить Вам, что Вы являетесь первым обладателем этой почётной награды, учреждённой вследствие бурного развития пока ещё мало изученного культурного феномена.

Нелёгко был выбор комитета, но каждый его член ИМХО отдал свой голос в Вашу пользу, выразив тем самым своё единодушное мнение.

После изучения 9 671 работ 2 364 аффтарах на 26 литературных сайтах комитет остановил свой выбор на Вашем рассказе <...>, заявленном Вами на конкурс <...> на сайте Л<...>ет.Ру.

Комитет отмечает, что премия присуждена Вам за талантливо созданный Вами образ... (дальше неразборчиво)...

Нас вдохновила Ваша смелость и вера в себя после того, как на предыдущем литературном конкурсе Вы заняли 18 место из 19. После этого Вашего шага мы тоже поверили в себя.

Причитающаяся вам денежная премия в размере <...> не позднее трёх дней после получения нами подтверждения о получении вами посылки будет конвертирована в баллы и добавлена к Вашему сетевому рейтингу.

С уважением, Густав и Карл.»

КОНЕЦ.

Феномен

Всему виной была лужа – огромный, илистый мутно-серый уродец из дождевой воды и уличной грязи, который лениво разлегся посреди районного центра, совсем рядом с рынком, где-то на унылых задворках блистающего мраморным фасадом здания районной администрации.

Приехав в город по давно накопившимся делам, я нёсся сломя голову из пункта А в пункт Б. Стараясь всюду побывать и везде успеть, я мало что замечал вокруг...

Тут-то она меня и поймала.

Плача от досады, грязный, обутый лишь наполовину, я стоял на краю лужи и почти безнадежно всматривался в её мутные хляби. В этот самый момент меня окликнул Иван Иванович.

Иван Иванович – большой писатель. Настолько большой, что далеко не все догадываются об истинных размерах его писательского масштаба.

Нимало не обращая внимания на моё бедствие, Иван Иванович, предусмотрительно не доходя нескольких шагов до лужи, торжественно стоял в позе Брюсова. Скрестив на впалой груди хилые ручонки и высоко задрав подбородок, он вопрошал, глядя одновременно на меня и куда-то мимо, поверх.

– Ну что, Джон, прочёл ты мой последний роман в «Твоём Безвременнике?»

– Прочёл. – Вымолвил я, с остервенением растирая кулаком заплаканное лицо и не отрывая взгляда от лужи.

– Ну и как? – Продолжал играть Брюсова Иван Иванович.

– Нормально. – Выпалил я машинально и тут же понял, что совершил нечто непоправимое.

– То есть как... нормально?..

Сходство Ивана Ивановича с Брюсовым в эти секунды увеличивалось пропорционально возрастанию его удивления моим безрассудным поступком. Писатель такого уровня не может писать нормально. Даже «хорошо» звучало бы хлесткой пощёчиной его благородной музе. Он бы, конечно, по-человечески простил меня, но вот его муза этого не сделает никогда.

Я понял, что пропал. Желая хоть как-то смягчить свою участь, я жалко промямлил:

– Нормально для «Безвременника», а то они там в последнее время такое печатают, что будь здоров! Без зубной боли от такого чтения не останешься.

– И кто же это, например? – Ошарашенный моей наглостью вопрошал Иван Иванович, медленно бронзовея от величия и негодования и потихоньку превращаясь в памятник поэту-конъюнктурщику.

– Да вот Хоронцевич, например, – неэлегантно вымолвил я, по-прежнему не отрывая взгляда от мутных глубин, поглотивших ту часть моего гардероба, с которой начинается каждый элегантный мужчина.

– Ну-ну... – С глубоко затаённой ненавистью едва слышно приглашал меня к развитию темы надменный истукан.

Тут я окончательно понял, что умер как признаваемый за такового писатель, по крайней мере, в зоне досягаемости рук Ивана Ивановича. А руки у него были предлинными и простирались аж до столицы.

Всё дело было в том, что неосторожно упомянутый мной Хоронцевич помимо тошнотворно-бездарных романов строчил хвалебные рецензии на опусы Ивана Ивановича. Рецензии эти, будучи совсем не рядовым функционером от литературы, Хоронцевич размещал не только в «Безвременнике», но и в других маститых изданиях, неприступные бастионы которых дружно капитулировали под натиском его высокой литературной должности. А ещё дело было в том, что Иван Иванович делал алаверды – строчил в ответ не менее хвалебные рецензии на труды Хоронцевича, восторгаясь неисчислимыми литературными дарованиями последнего. Печатались они всё в тех же недоступных простому смертному литератору изданиях-бастионах.

Справедливости ради надо признать, что Иван Иванович, в отличие своего сановитого коллеги, был совсем не лишён литературного дарования и в начале творческого пути писал дерзко, оригинально и с выдумкой... Однако, об этом сейчас уже мало кто помнил. Сам же Иван Иванович то ли стеснялся вольнодумства собственной молодости, которое между тем вывело его в широкую литературу, то ли стеснялся того, что предал идеалы молодости в

уюду конъюнктуре сиюминутного спроса. Как бы то ни было, Иван Иванович тщательно скрывал от других метаморфозы своего творческого пути, всем своим видом показывая, что был таким всегда. Одним словом, показывал всем, что уже родился великим. Памятником, так сказать, и родился. В этом заключался несомненный феномен Ивана Ивановича.

Я почувствовал, как быстро уменьшаюсь в росте под тяжестью взгляда Ивана Ивановича. В следующее мгновение мне подумалось, что это не я уменьшаюсь, а Иван Иванович растёт.

Но как же?!

Да очень просто – у каждого памятника есть свой постамент. Настала пора ему появиться. На моих глазах неподвижно застывшая фигура живого классика медленно, словно на эскалаторе, бронзово возносилась куда-то вверх. Голова, шея, ворот рубахи, скрещенные руки, брючной ремень, колени, сандалии...

– Н-ну! – Требовательно напомнил о себе откуда-то сверху Иван Иванович.

– Да галиматью полную пишет это ваш Хоронцевич! – Выпалил я, решив, что терять мне уже нечего. – Одни потуги на большое, а таланта-то нет.

– Как это – нет? А последний роман «Предсказуемая смерть»? – Гулко и бронзово летело свысока.

– Вот именно – всё очень предсказуемо и неинтересно! – Дерзновенно бросил я вверх, шаря рукой в водоёме и не поднимая на собеседника головы.

– Ы-ых! – Донёс до меня ветер обрывок неизвестно чего – то ли ответной реплики Ивана Ивановича, то ли ругательства мелькнувшего поодаль пьяного дворника.

Надпись на постаменте ярко золотилась на солнце, была очень красива, но не разборчива для моего глаза. Невысокая массивная чугунная ограда распространяла величие и торжественность вокруг.

– Ы-ах!.. – Продолжало нестись над округой.

– Да мне-то какое дело?! – Крикнул я, швыря оставшийся без пары ботинок в кусты.

– А-а-ох! – Оглашало окрест.

Ничего не ответив на это, я снял носки, засунул их в карман и поплёлся к автобусу.

– У-уууу! – Возмущённо гудело мне вслед где-то в телеграфных проводах.

Пионеры возлагали к постаменту цветы и приносили клятвы верности.

– Клянёмся! – Дружно чирикали детские голоса.

– Ё-о-о-о-мса!!! – Вторя им, бронзово разливалось в атмосфере.

Автобус на Забугорную прибыл по расписанию.

Всеми виной была лужа...